

BIBLIOTHECA IGNATIANA

Богословие, **Духовность**, Наука

Св. Игнатий Лойола

РАССКАЗ ПАЛОМНИКА
О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Bibliotheca Ignatiana. Богословие, Духовность, Наука

Св. Игнатий Лойола

Рассказ паломника о своей жизни

«ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»

1550-1556

Лойола С.

Рассказ паломника о своей жизни / С. Лойола — «ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ», 1550-1556 — (Bibliotheca Ignatiana. Богословие, Духовность, Наука)

ISBN 5-94242-001-7

«...До двадцати шести лет он был человеком, преданным мирской суете, и прежде всего ему доставляли удовольствие ратные упражнения, ибо им владело огромное и суетное желание стяжать славу. И вот, когда он был в одной крепости, осаждаемой французами, и все полагали, что нужно сдаться, дабы спасти <свои> жизни, ибо было ясно видно, что защищаться они не смогут, он привёл алькальду столько резонов, что всё же сумел убедить его защищаться, хотя это и противоречило мнению всех кабальеро, каковых, впрочем, приободрили его боевой дух и его отвага...»

ISBN 5-94242-001-7

© Лойола С., 1550-1556
© «ИНСТИТУТ СВЯТОГО
ФОМЫ», 1550-1556

Содержание

Сокращения и условные обозначения	5
Предисловие О. Надаля[1]	6
Предисловие О. Луиса Гонсалеса да Кáмары	8
Глава I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Св. Игнатий Лойола

Рассказ паломника о своей жизни

Сокращения и условные обозначения

букв.: буквально

ДК: Мигель де Сервантес Сааведра, *Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский*

док.: документ

исп.: испанский

итал.: итальянский

К. де Д.: о. Кáндидо де Далмáсес (О. И.)

катал.: каталанский

лат.: латинский

О. И.: Общество Иисуса о.: отец ок.: около

пер.: переводчик

порт.: португальский

Предисл. Кáм.: Предисловие о. да Кáмары

Предисл. Над.: Предисловие о. Надаля

прим.: примечание с.: страница (в русскоязычных изданиях)

франц.: французский

Хрон.: Хронологическая таблица

* * *

AHSI: *Archivum Historicum Societatis Iesu* (Исторический архив Общества Иисуса)

CDI: *Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas en América y Oceanía* (Собрание неизданных документов, относящихся к открытию, завоеванию и колонизации испанских владений в Америке и Океании), tt. 1–42, Madrid

FD: *Fontes documentales* (Документальные источники)

FN: *Fontes narrativi* (Повествовательные источники)

MHSI: *Monumenta Historica Societatis Iesu* (Исторические памятники Общества Иисуса)

О. F. M.: *Ordo Fratrum Minorum* (Орден Меньших Братьев)

О. P.: *Ordo Praedicatorum* (Орден проповедников)

р.: страница (в иноязычных изданиях)

vol.: том (в иноязычных изданиях)

Предисловие О. Надаля¹

О. Надаль просит святого Игнатия рассказать своим духовным сынам о том, как Бог руководствовал им с самого начала его обращения. После долгих и настоятельных просьб святой Игнатий даёт своё согласие.

1*. И другие отцы, и я сам – <не раз> мы слышали, как отец наш Игнатий говорил о своём желании снискать от Бога три благодеяния прежде, нежели умрёт: во-первых, чтобы Общество было утверждено Апостольским Престолом; во-вторых, чтобы то же произошло и с Духовными упражнениями; в-третьих, чтобы ему удалось написать Конституции.

2*. Памятуя об этом и видя, что всё это он обрёл², я стал опасаться, как бы не был он уже призван из нашей среды к лучшей жизни. И вот, зная о том, что святые отцы, основатели того или иного института монашествующих, в порядке завещания оставляли своим потомкам некоторые указания, кои должны были помочь им <достичь> совершенства, я стал искать случая попросить о том же о. Игнатия.

И случилось так, что однажды в 1551 г.³, когда мы были вместе, о. Игнатий сказал мне: «Сейчас я побывал выше неба» – давая, как я полагаю, понять, что он только что испытал некий экстаз или восхищение, как это часто с ним случалось. С крайним благоговением я спросил: «Что Вы хотите этим сказать, отче?» Он перевёл разговор на другую тему. Тогда, подумав, что удобный момент наступил, я настоятельно попросил его, чтобы он соблаговолил рассказать о том, как Бог руководствовал им с самого начала его обращения, дабы этот рассказ мог послужить нам завещанием и отеческим наставлением. «Ибо», сказал я ему, «Бог уже даровал Вам те три вещи, которые вы желали увидеть прежде, нежели умрёте, и вот мы боимся, как бы он не призвал Вас теперь во славу».

3*. Отец извинился, сославшись на свою занятость и сказав, что не может посвятить этому своё внимание и время. Вместе с тем он добавил: «Отслужите три Мессы с этой интенцией – Вы, Поланко и Понсьо⁴, – и после молитвы сообщите мне, что Вы об этом думаете». – «Отец, мы будем думать так же, как думаем сейчас». Но он с великою кротостью прибавил: «Сделайте то, что я Вам говорю». Мы совершаем Мессы, и вот, после того как мы сообщили ему о том, что думали, он пообещал исполнить нашу просьбу.

На следующий год⁵, по возвращению моему с Сицилии, когда вот-вот надлежало мне отправиться с поручением в Испанию, я спросил Отца, сделал ли он что-нибудь. «Нет, ничего», – сказал он мне.

Когда я вернулся из Испании в 1554 г., я сызнова спросил его; он ничего не сделал⁶. Но на сей раз, движимый невесть каким побуждением, я опять проявил настойчивость: «Вот уж почти четыре года прошло, как я прошу Вас, отче, не только от своего имени, но и от имени остальных, чтобы Вы поведали нам о том, как Господь вёл Вас с самого начала Вашего

---

¹ Точная дата, когда о. Надаль написал по-латински настоящее *Предисловие*, неизвестна. Вероятно, это произошло в период с 1561 по 1567 гг. Латинский оригинал можно прочесть в *FN*, I, pp. 354-363, в нижней части страницы.

² Общество Иисуса было официально утверждено Папой Павлом III 27 сентября 1540 г.; книга *Духовных упражнений* была одобрена тем же самым Папой 31 июля 1548 г.; за период с 1547 по 1550 гг. св. Игнатий написал *Конституции* Общества.

³ Вероятно, это произошло скорее в 1552 г., поскольку на протяжении всего 1551 г. Надаль находился на Сицилии, откуда он вернулся в Рим лишь 5 января 1552 г.

⁴ Понсьо Когордан, француз, прокуратор обители.

⁵ 1553 г. См. прим. 2. Принеся обеты в Риме 25 марта 1552 г., Надаль снова был отправлен на Сицилию. В январе 1553 г. он ещё раз был вызван в Рим, откуда в апреле отправился в Испанию и Португалию, чтобы опубликовать *Конституции* и посетить эти провинции Общества.

⁶ В этом Надаль допускает неточность, поскольку св. Игнатий начал диктовать свои воспоминания в 1553 г. См. *Предисл. Кйм.*, 1* и 3*.

обращения: ведь мы уверены, что знать об этом будет в высшей степени полезно и для нас, и для Общества. Но, видя, что Вы этого не делаете, хочу заверить Вас в одном: если Вы пожелаете нам то, чего мы так желаем, то мы извлечём немалую для себя пользу из этого дара; если же Вы этого не сделаете, то мы не падём духом, но будем так уповать на Господа, как будто Вы обо всём этом написали».

4*. Отец ничего не ответил, но, как мне кажется, в тот же самый день позвал о. Луиса Гонсалеса⁷ и начал рассказывать ему то, что тот, обладая столь великолепной памятью, затем записывал. Это *Деяния о. Игнатия*, переходящие из рук в руки.

О. Луис был избирателем на первой генеральной Конгрегации⁸, и на ней же он был избран ассистентом генерала, о. Лаинеса. Впоследствии он был наставником и <духовным> руководителем короля Португалии, дона Себастьяна, отцом, отличавшимся добродетелью.

О. Гонсалес писал частью по-испански, частью по-итальянски – в зависимости от того, какими писцами он мог располагать. Перевод сделал о. Аннибал де Кодретто⁹, человек весьма учёный и благочестивый. Оба они ещё живы: и писатель, и переводчик.

---

⁷ О. Луис Гонсалес да Ка́мара родился ок. 1519 г. и умер в 1575 г. В Общество Иисуса вступил 27 апреля 1545 г. в Лиссабоне. 23 мая 1553 г. о. да Ка́мара прибыл в Рим, где получил должность министра обители, и пробыл там до 23 октября 1555 г., когда отправился в Португалию. После смерти св. Игнатия, в 1558 г., о. Ка́мара снова вернулся в Рим, чтобы присутствовать на первой Генеральной конгрегации, где он был избран ассистентом в Португалии. В 1559 г. по настоятельным просьбам королевского двора ему пришлось возвратиться на родину, чтобы заняться воспитанием короля, дона Себастьяна.

⁸ Она происходила в 1558 г.

⁹ Точнее, Аннибал дю Кудрэ. Его фамилия писалась по-разному: du Coudrey, du Codret; *лат.* Codretus; *итал.* Codreto или Coudreto. В настоящем издании верным сочтено написание du Coudret, принятое историком французской Ассистенции, о. Фукерэ (vol. 1, p. 103²). Дю Кудрэ родился в 1525 г. в Сайянше, деревне в Верхней Савойе, и вступил в Общество в 1546 г. В 1548 г. он был направлен на Сицилию, откуда вернулся в Рим в 1558 г. В 1561 г. он уехал во Францию и умер в Авиньоне в 1599 г. О дю Кудрэ можно справиться в книгах: Прат, vol. 1, pp. 436–442; Фукерэ, *указ. место*.

Предисловие О. Луиса Гонсалеса да Кáмары

1*-2*. Святой Игнатий решает поведать о своей жизни. – 3*-5*. Как и когда была написана Автобиография.

1*. В пятьдесят третьем году, в пятницу утром, четвёртого августа, в канун праздника Божией Матери Снежной, когда отец находился в саду подле дома или помещения, именуемого Герцогским¹⁰, я принялся давать ему отчёт об известных особенностях моей души, и среди прочего говорил ему о тщеславии.

В качестве целительного средства отец посоветовал мне многократно сообщать Богу обо всех моих делах, стараясь преподнести Ему всё доброе, что я в себе нахожу, признавая это Его <дарами> и воздавая Ему благодарность за это. И так он говорил мне об этом, что весьма меня утешил, и я не смог удержать слёз. Тогда отец рассказал мне, как он в течение двух лет боролся с этим пороком, так что, садясь в Барселоне на корабль, шедший в Иерусалим, он не решился никому сказать о том, что направляется в Иерусалим¹¹. Так же поступал он и в других схожих обстоятельствах. И какой мир, прибавил он, почувствовал он затем из-за этого в своей душе!

Через час-другой после этого мы пошли обедать, и, обедая с магистром Поланко¹² и мною, наш отец сказал, что магистр Надаль и другие члены Общества не раз просили его кое о чём, однако он так и не решился на это. Но после разговора со мной, уединившись в своей комнате, он почувствовал столь благоговейную наклонность сделать это! И, говоря так, что видно было: Бог ясно указал ему на его долг совершить это, – <он заявил>, что <теперь> вполне решился.

А дело это заключалось в том, чтобы рассказать, что произошло в его душе вплоть до нынешнего дня. Кроме того, он решил, что <именно> я должен быть тем человеком, которому он всё это откроет.

2*. Тогда отец чувствовал себя очень плохо и вовсе не имел привычки надеяться, что проживёт ещё хотя бы день. Как только кто-нибудь скажет: «Я сделаю это через пятнадцать дней, или через восемь дней», – отец всегда, словно в изумлении, говорит: «Как! И Вы рассчитываете столько прожить?» И всё же на сей раз он сказал, что надеется прожить три или четыре месяца, чтобы закончить это дело.

На другой день я заговорил с ним и спросил его, когда он хочет взяться за дело. Он ответил мне, чтобы я напоминал ему об этом каждый день (не помню, в течение скольких дней) до тех пор, пока у него не будет возможности сделать это. Однако, не располагая в настоящее время такой возможностью из-за <различных> занятий, он пришёл затем к решению, чтобы ему напоминали об этом каждое воскресенье.

И вот в сентябре¹³ (не помню, какого числа) отец вызвал меня и начал пересказывать мне всю свою жизнь и холостяцкие проделки: ясно и отчётливо, во всех подробностях. Впоследствии, в тот же самый месяц, он вызывал меня ещё три-четыре раза и довёл свою историю

---

¹⁰ Вероятно, эта часть старой обители в Риме называлась Герцогской (del Duque) потому, что в ней жил герцог Гандийский, св. Франциск Борджа, когда в 1550-1551 гг. он находился в Риме по случаю празднования Святого Года. Хотя св. Франциск уже принёс торжественные монашеские обеты 1 февраля 1548 г., тогда он ещё не заявил публично о своём вступлении в Общество.

¹¹ См. ниже, § 36.

¹² О. Хуан Альфонсо де Поланко, уроженец Бургоса, вступил в Общество в 1541 г. С начала 1547 г. он был назначен секретарём Общества, каковую должность исполнял на протяжении тех лет, когда генералами были св. Игнатий, о. Диего Лаинес и св. Франциск Борджа, вплоть до 1573 г. Умер он в Риме в 1576 г.

¹³ В тексте *Автобиографии*, § 10, говорится, что кое-какие записи были сделаны в августе. Возможно, св. Игнатий начал рассказывать о своей жизни в конце этого месяца. См. *FN*, I, pp. 328¹⁵, 374.

до той <поры>, когда он несколько дней провёл в Манресе – как видно из того, что эта часть написана другим почерком¹⁴.

3*. Рассказывает отец точно так же, как он обычно делает всё прочее, то есть с такой ясностью, что кажется, будто своими глазами видишь всё происходившее. Поэтому его ни о чём не нужно было расспрашивать, ибо отец не забывал сказать всё, что нужно было, чтобы <его> поняли. Сразу же после этого я отправлялся всё записывать, ничего не говоря отцу: сначала вкратце, собственноручно, а затем более подробно, как написано теперь. Я старался не вставлять ни единого слова кроме тех, что слышал от отца. Если же что-то, как я опасаюсь, оказалось пропущено, то лишь потому, что, стараясь не уклоняться от слов отца, я не сумел как следует разъяснить силу некоторых из них.

Так я и писал, как сказано выше, до сентября пятьдесят третьего года. А с того времени вплоть до приезда о. Надаля восемнадцатого октября пятьдесят четвёртого года отец всегда извинялся болезнями и различными текущими занятиями, говоря мне: «Когда покончим с таким-то делом – напомните мне об этом». И по окончании этого дела я напоминал ему, а он говорил: «Сейчас у нас другое дело; когда покончим с ним – напомните мне об этом».

4*. Но, когда приехал о. Надаль, он весьма обрадовался тому, что начало было положено, и велел мне, чтобы я не отставал от отца со своими просьбами, повторив мне неоднократно, что отец не может сделать ничего лучшего для Общества, нежели это, и что сие означало бы подлинно основать Общество¹⁵. О том же он многожды говорил и отцу, и отец сказал мне, чтобы я напомнил ему об этом, когда будет завершено дело с дотацией на Коллегию¹⁶, а по его завершении – когда закончится дело Пресвитера¹⁷ и будет отправлена почта.

Снова мы принялись за эту историю девятого марта. Вскоре после этого тяжело заболел Папа Юлий III, умерший двадцать третьего числа¹⁸, и отец отложил наши занятия до тех пор, пока не будет нового Папы. Однако, когда появился новый Папа, вскоре и он заболел и умер (это был Марцелл)¹⁹. Отец отложил <нашу затею> до избрания Папы Павла IV²⁰, а затем из-за сильной жары и многочисленных занятий всё время откладывал её вплоть до двадцать первого сентября, когда завели речь о том, чтобы отправить меня в Испанию. Посему я настойчиво и многократно просил отца исполнить то, что он мне пообещал. Тогда он назначил мне <встречу> двадцать второго числа утром, в Красной Башне²¹. Закончив служить Мессе²², я предстал перед ним, чтобы спросить, не настал ли <урочный> час.

¹⁴ Нет полной ясности в том, где именно был сделан этот первый перерыв. Однако можно с уверенностью утверждать, что он, должно быть, находился до § 30 по настоящему изданию.

¹⁵ Настойчивость, с которой о. Надаль просил св. Игнатия рассказать о событиях его жизни, проистекает из того принципа, который о. Надаль многократно и настойчиво повторял, а именно: в лице св. Игнатия Общество располагает не только основателем, избранным Богом, но и примером, коему следует подражать. Этот принцип он повторяет не только в своём предисловии к *Автобиографии*, но и в беседах с отцами и братьями Римской Коллегии, происходивших в 1557 г. и опубликованных в *FN*, II, pp. 1-10.

¹⁶ Речь идёт об основании Римской Коллегии с твёрдой рентой, чего желал Папа Юлий III; этот замысел расстроился со смертью этого Папы (23 марта 1555 г.). См. *Посл.*, VIII. 664; *Хрон.*, V. 12 слл.; Рибаденейра, *О деяниях*, § 37; *FN*, II, pp. 341-343; *Жизнь*, I. 5. 9.

¹⁷ Пресвитер Иоанн (Preste Juan) – легендарный правитель некоего христианского царства «где-то на Востоке» (не то в Средней Азии, не то в Эфиопии, не то в Индии или Китае). О популярности этой легенды, восходящей к смутным известиям о миссионерской деятельности несториан в Азии, можно судить хотя бы по тому, что Сервантес в предисловии к *Дон Кихоту* упоминает Пресвитера Иоанна Индийского (Preste Juan de las Indias) как персонажа, в чьи уста можно вложить вступительные «сонеты, эпиграммы и элоги». А здесь речь идёт о миссии в Эфиопию, куда первые миссионеры отправились в конце 1554 или в начале 1555 г. (см. *FN*, I, p. 361, прим. 11). – *K. de D., пер.*

¹⁸ Папа Юлий III (Джованни Мария Чокки); годы понтификата: 1550–1555.

¹⁹ Марцелл II (Марчелло Червини) был избран 9 апреля 1555 г. и умер 30 числа того же месяца.

²⁰ Павел IV (Джанпьерро Карафа), возведённый в сан Верховного Понтифика 23 мая 1555 г.

²¹ Так называемая «Красная Башня», присоединённая к обители Общества, была куплена 5 декабря 1553 г. См. *FN*, II, p. 484 и указанные там пассажи; *FN*, III, pp. 179, 767, 768.

²² Все рукописи на испанском языке, сохранившиеся до настоящего времени, обрываются на этом месте, оставляя фразу

5*. Он отвечал, чтобы я пошёл дожидаться его в Красной Башне, дабы, когда он придёт, я находился там. Я понял, что дожидаться его там мне придётся долго. Однако, покуда я задержался в каком-то портике, разговаривая с одним братом, который меня о чём-то спросил, пришёл отец и упрекнул меня за то, что я, проявив непослушание, не дожидался его в Красной Башне; и в тот день он уже больше не хотел ничего делать.

Затем мы опять принялись настойчиво его упрашивать. Тогда он вернулся в Красную Башню и стал диктовать, расхаживая туда-сюда, как он всегда диктовал раньше. Чтобы видеть его лицо, я то и дело слегка приближался к нему, и отец говорил мне: «Соблюдайте правило!»²³. И как-то раз, когда, забыв о этом его предупреждении, я приблизился к нему – а со мной случилось так дважды или трижды – отец повторил мне то же самое предупреждение и вышел прочь.

Наконец он вернулся, чтобы закончить диктовать мне в этой Башне то, что было записано. Но, так как мне вот-вот нужно было отправляться в путешествие (ведь канун моего отъезда был последним днём, когда отец говорил со мною об этом предмете)²⁴, мне не удалось в полном объёме записать всё в Риме. А в Женеве, не имея в своём распоряжении испанского писца, я продиктовал по-итальянски то, что привёз из Рима записанным вкратце, и закончил составление <текста> в декабре 1555 г., в Женеве²⁵.

незаконченной. О. Игнасио Пьен, который в 1730–1731 гг. находился в Риме, собирая документы о св. Игнатии для своего брата Хуана, болландиста, держал в руках испанскую рукопись, ныне утраченную, которая содержала полное предисловие отца Кáмары на указанном языке (см. *FN*, I, р. 348). Поскольку оригинальный текст отсутствует, фрагмент, идущий до конца предисловия, переведён с латинского.

²³ Правило 2 (о скромности) в том виде, как оно было составлено во времена св. Игнатия, гласило: «Глаза следует обычно держать опущенными, не поднимая их слишком высоко и не переводя их слишком часто из стороны в сторону; и, говоря с кем-либо, особенно если это особа уважаемая, следует не устремлять глаза ему в лицо, но опускать, как обычно» (MI, *Regulae Societatis Iesu* [1540–1556], р. 518). Хотя правила о скромности не были опубликованы в торжественном порядке вплоть до 1555 г., можно сказать, что они вошли в силу уже раньше. См. там же, р. 514.

²⁴ Из § 99 явствует, что последний разговор св. Игнатия с о. Кáмарой состоялся 20 октября.

²⁵ Часть *Автобиографии*, продиктованная о. Кáмарой по-итальянски, начинается с § 79 и простирается до конца труда. Указанный отец и о. Нададь выехали из Рима 23 октября 1555 г.: первый из них был отправлен в Португалию, а другой – в Испанию. В тот же самый день во Фландрию выехал молодой Педро де Рибаденейра, чтобы хлопотать о допуске Общества в эту страну. См. *FN*, I; *Хрон.*, р. 59*; *Посл.*, X. 38. О. Кáмара вернулся в Рим уже после смерти св. Игнатия, в 1558 г., чтобы присутствовать на первой Генеральной Конгрегации, на которой он был избран ассистентом в Португалии. См. *Предисл. Над.*, § 4*.

Глава I

1. Молодость святого Игнатия. Ранение в Памплоне. – 2. Его доставляют в Лойолу, где он с великим мужеством переносит болезненнейшую операцию. – 3. Принимает <последние> Таинства. В канун дня святых Петра и Павла начинает чувствовать улучшение. – 4–5. Хочет, чтобы ему отрезали неправильно сросшуюся кость. Выздоровливая, читает благочестивые книги. – 6. Его донимают различные думы.

1. До двадцати шести лет²⁶ он был человеком, преданным мирской суете, и прежде всего ему доставляли удовольствие ратные упражнения, ибо им владело огромное и суетное желание стяжать славу. И вот, когда он был в одной крепости, осаждаемой французами, и все полагали, что нужно сдаться, дабы спасти <свои> жизни, ибо было ясно видно, что защищаться они не смогут, он привёл алькальду²⁷ столько резонов, что всё же сумел убедить его защищаться, хотя это и противоречило мнению всех кабалеро, каковых, впрочем, приободрили его боевой дух и его отвага.

Когда же настал день, в который ожидался обстрел, он исповедовался одному из своих товарищей по оружию²⁸. И вот, когда обстрел шёл уже довольно долго, одна бомбарда угодила ему в ногу, полностью её сломав; а так как осколок прошёл через обе ноги, то и другая была тяжко повреждена²⁹.

2. Как только он упал <наземь, защитники> крепости тут же сдались французам, которые, овладев ею, весьма благосклонно отнеслись к раненому, обращаясь с ним вежливо и дружелюбно.

После того, как он провёл в Памплоне дней десять-пятнадцать, его на носилках доставили в его родной край. Там он чувствовал себя очень плохо, и, когда созвали всех врачей и хирургов из многих мест, они решили, что ногу нужно опять сломать и сызнова поставить кости на свои места: как они говорили, то ли потому, что кости были дурно составлены прежде, то ли потому, что они разошлись по дороге, но <сейчас> они были не на своих местах, и излечиться так

---

²⁶ Эти слова сбили с толку многих биографов св. Игнатия, ибо из них должно было бы следовать, что он родился в 1495 г. Так, о. Поланко после долгих колебаний принял это утверждение всерьёз и прямо писал в одном из своих *Диалогов*: «Вплоть до двадцати шестого года своей жизни, т. е. до 1521 г., он был весьма тщеславен». Более поздние биографы принимали подсчёты Поланко уже как данность. Между тем в § 30 *Автобиографии* говорится, что в 1555 г. Игнатию исполнилось 62 года, и тогда его рождение следует отнести к 1493 г. Итак, налицо противоречие! Мало того: из целого ряда фактов, которые здесь перечисляться не будут, явствует, что наиболее вероятной датой рождения св. Игнатия был 1491 г., т. е. ко дню ранения в Памплоне ему исполнилось тридцать лет. В XX веке некоторые исследователи, желая согласовать эту датировку с обсуждаемыми здесь словами святого, приходили даже к выводу, что Игнатий пережил не одно, а два обращения: первое – в возрасте 26 лет (о нём якобы говорится в первой фразе *Автобиографии*), и второе – после ранения в Памплоне (о чём – во второй фразе)! Однако всякому непредубеждённому читателю ясно, что эти две фразы неразрывно связаны между собой и относятся к одному и тому же событию. Скорее всего, разницей в датах объясняется ошибка самого св. Игнатия, который, по словам Рибаденейры, «... всегда верно передавал суть дела, но мог допустить промахи в мелочах – например, при подсчёте времени». – *К. де Д., пер.*

²⁷ Это был Мигель де Эррера. Заняв город Памплону, французы предложили сдать крепость. Эррера попросил о переговорах с главой вражеских войск, Андре де Фуа, сеньором Аспарроса, и взял с собою на указанные переговоры троих человек из числа защитников, одним из которых был БИньиго. Согласно о. Поланко, именно Игнатий был тем, кто «расстроил соглашение, ибо оно показалось ему постыдным, и это стало причиной того, что они взялись за оружие и сражались за крепость, сопротивляясь до тех пор, покуда стены её не были разбиты артиллерией, а его <т. е. Игнатия> нога не была сломана» (Поланко, *Краткое изложение: FN, I, p. 155*).

²⁸ Исповедоваться в грехах мирянину в отсутствие священника было в Средние Века обычаем, рекомендованным св. Фомой Аквинским (*На IV Сент.*, XVII, вопр. 3, на 3, вопр. 2, реш. 2). В своём *Руководстве по исповедям*, опубликованном в 1482 г., брат Эрнандо де Талавера рекомендует этот обычай такими словами: «Грешит тот, кто её [т. е. исповедь] принимает без священника – за исключением случая <крайней> необходимости, когда кто-либо, находясь в смертельной опасности и не имея возможности обратиться к священнику, хочет исповедоваться тому, кто таковым не является. Даже и это не обязательно: если нельзя обратиться к священнику, достаточно и одного лишь сокрушения <о грехах>» (р. 32).

²⁹ Св. Игнатий был ранен 20 мая 1521 г. Любопытным, хотя и несколько натянутым, представляется замечание автора одного из популярных изложений биографии св. Игнатия (Перроа, с. 140): в тот же самый день Мартин Лютер официально порвал с Римской Церковью. – *пер.*

было невозможно. И снова устроили эту резню (*carnesería*), в которой он – равно как и во всех прочих, каковые ему довелось претерпеть и ранее, и впоследствии – не вымолвил ни слова и ничем не выказал своих страданий, разве что крепко сжимал кулаки.

3. Ему становилось всё хуже, так что он не мог есть; были и прочие симптомы, указывающие обычно на приближение смерти. Когда же настал день святого Иоанна, врачи, весьма слабо веря в его выздоровление, посоветовали ему исповедоваться. Когда он принял Таинства, в канун дня свв. Петра и Павла, врачи сказали, что, если к полуночи не последует улучшения, то его можно считать покойником. Означенный больной всегда чтит святого Петра, и вот Господу нашему было угодно, чтобы в эту самую полночь его состояние стало улучшаться. Улучшение это продвигалось настолько быстро, что через несколько дней сочли, что смерть ему более не грозит.

4. Но, когда кости уже стали срастаться друг с другом, одна кость, выше колена, осталась у него торчать над другой, и нога поэтому стала короче. Кость там настолько выступала вперёд, что это было безобразно. Больной не в силах был перенести этого, ибо он решил следовать мирскими путями, а этот нарост, как он считал, его уродовал. Поэтому он осведомился у хирургов, нельзя ли его срезать.

Те отвечали, что срезать его, конечно, можно, но страдания будут при этом сильнее, нежели все те, какие он испытал прежде, поскольку кость уже зажила, и <теперь> требуется некоторое время, чтобы её разрезать. Но всё же он решился на это мученичество по собственному своему почину, хотя его старший брат³⁰ испугался и говорил, что не отважился бы на такие страдания, каковые раненый перенёс с обычным своим терпением.

5. И вот, когда ему срезали плоть и кость, из неё торчавшую, то постарались прибегнуть к целительным средствам, дабы нога не была такой короткой, втирая в неё множество мазей и постоянно растягивая её особыми устройствами, так что много дней он терпел мучения.

Но Господь наш дал ему здоровье, и он почувствовал себя настолько хорошо, что во всём прочем был здоров, только вот не мог как следует держаться на ноге и потому вынужден был оставаться в постели. Поскольку же он весьма охотно читал книги мирские и ложные, называемые обычно рыцарскими <романами>, то, почувствовав себя хорошо, он попросил, чтобы ему дали некоторые из них ради препровождения времени. Но в доме не нашлось ни одной из тех <книг>, которые он обычно читал, так что ему дали *Жизнь Христа* и книгу житий святых на народном языке (*en romance*)³¹.

6. Пока он читал их и перечитывал, написанное там его захватывало. Однако, прекратив читать их, он мысленно задерживался иногда на том, о чём прочёл, а иногда – на вещах мирских, о которых привык помышлять ранее. Но из множества суетных вещей, представлявшихся ему <в воображении>, одна настолько завладела его сердцем, что после этого он сразу же погружался в мысли о ней на два, три и четыре часа, сам того не замечая. Он воображал

³⁰ Это был Мартин Гарсиа де Лойола, старший брат св. Игнатия после смерти первенца их родителей, Хуана Переса де Лойолы, скончавшегося в Неаполе в 1496 г.

³¹ Книгами, которые св. Игнатий читал во время своего выздоровления, были: // 1) *Жизнь Христа*, написанная Рудольфом Саксонским († 1377 г.), которого называли просто «Картезианцем», и переведённая Амбросио Монтесино. См. Година, р. 220 слл. Кажется, о. Надаль первым сказал о том, что упомянутая *Жизнь Христа* принадлежала перу «Картезианца». Так он утверждал по меньшей мере со времён своей *Апологии* Общества против парижских докторов (1557 г.). См. *FN*, II, р. 64 и pp. 186, 234, 404. Ср. р. 429. Полное заглавие этой книги, впервые напечатанной в Страсбурге в 1474 г., было таким: *Жизнь Господа нашего Иисуса Христа, тщательно составленная из четырёх Евангелий и Учителей, одобренных Католическою Церковью*. Написанная ок. 1350 г. и широко распространившаяся ещё до изобретения книгопечатания, эта книга стала своего рода «бестселлером»: она переиздавалась 400 (!) раз. Испанское издание вышло в Алькале в 1502 г. Интересно, что в этой книге, написанной задолго до основания Общества Иисуса, пожалуй, впервые встречается слово «иезуит» (*Iesuita*): «...в небесной славе сам Иисус назовёт нас иезуитами, то есть спасёнными Его именем» (т. I, гл. 10). См. об этом: Фарузи, сс. 207-211. // 2) Книга житий святых была переводом *Золотой легенды* доминиканца Якова Ворáгинского, или Варацце, умершего в 1298 г. в Генуе, где он был архиепископом. Св. Игнатий воспользовался испанским переводом, предисловие к которому написал брат Гауберто М. Вагад. См. Летурия, *Дворянин*, р. 156 слл.; *Упражнения*, pp. 38-46. – К. де Д., пер.

себе, что сделал бы, служа некой сеньоре; представлял себе те средства, к которым прибегнул бы, чтобы отправиться туда, где она находилась; остроты³² и слова, которые он ей сказал бы, а также ратные подвиги, которые совершил бы ради служения ей. И так был он этим обольщён, что не видел, насколько это было для него недостижимо: ведь сеньора эта была не просто благородного происхождения, как графиня или герцогиня, но занимала положение куда высшее, чем любая из оных³³.

7. И всё же Господь наш пришёл ему на помощь, устроив так, что на смену этим мыслям пришли другие, порождённые тем, о чём он читал. Ибо, читая о жизни нашего Господа и святых, он впадал в размышления, рассуждая сам с собою: «А что было бы, если бы я сделал то, что сделал святой Франциск, и то, что сделал святой Доминик?» И так он размышлял о многих предметах, казавшихся ему достойными, всегда ставя перед собой задачи затруднительные и тяжёлые; и, когда он ставил себе эти задачи, ему казалось, что он находит в себе способность справиться с ними на деле. А размышления его состояли в том, что он говорил сам себе: «Святой Доминик сделал то-то – значит, и я должен это сделать; святой Франциск сделал то-то – значит, и я должен это сделать».

Эти мысли тоже заняли изрядный простор³⁴, а затем что-то переменялось, и к нему снова пришли мысли мирские, о коих говорилось выше. На них он тоже задержался на значительный срок. Это последовательное чередование столь различных мыслей длилось у него довольно долго, причём он всегда задерживался на повторяющейся мысли о том, что представлялось его воображению – а это были либо те мирские подвиги, которые он желал совершить, либо иные, <призванные угодить> Богу. Наконец, утомившись, он оставил эти мысли и стал думать о другом.

8. Однако тут была налицо следующая разница: думая о вещах мирских, он весьма услаждался; но когда, утомившись, он оставлял эти мысли, то чувствовал скуку и недовольство. Когда же он думал о том, чтобы пойти в Иерусалим босиком, питаться одними травами и совершать все прочие подвиги покаяния, которые, как он увидел, совершали святые – то утешался он не только тогда, когда задерживался на таких мыслях, но и, даже отстранив их, оставался доволен и радостен.

Таковы были его первые размышления о вещах Божественных. Впоследствии, когда он составлял упражнения, отсюда стал он черпать осознание того, что касается различия духов³⁵.

³² В оригинале “los motes”: архаизм. Видимо, значение, которое имеет здесь это слово, соответствует первому значению, приводимому Коваррубиасом в его *Тезаурусе*: “Mote: это слово означает изречение, произнесённое изящно и в немногих словах. По-гречески это называется *τορθεύμα*, по-французски *mot*; отсюда и мы говорим *mote*. Иногда это означает высказывание колкое и язвительное, что по-латински мы зовём *dicterium*, и от него образован глагол «*motejar*», то есть «винить кого-либо»”. В современном языке этот глагол имеет несколько иное значение: «обзывать», «давать прозвище», «язвить». – *К. де Д., пер.*

³³ Кто была дама, занимавшая мысли выздоравливавшего БИньиго, невозможно установить с полной достоверностью. Высказанные на сегодняшний день гипотезы сводятся к трём основным: 1) Жермена де Фуа, племянница французского короля Людовика XII и вторая супруга Фердинанда Католика, умершего в 1516 г.; 2) Каталина, сестра Карла V, которая родилась в 1507 г., а в 1525 г. вышла замуж за Жуана III, короля Португалии; 3) Леонора, старшая сестра императора и Каталины, супруга сначала Мануэля I, короля Португалии, а затем Франциска I, короля Франции. Все эти три гипотезы приводят к серьёзным затруднениям. Жермена де Фуа и Леонора Габсбург были замужем в то время, когда БИньиго предавался своим мечтаньям, а Каталине было тогда не более четырнадцати-пятнадцати лет. Поскольку св. Игнатий хранил полное молчание по этому вопросу, решить его будет нелегко.

³⁴ В оригинале архаизм: «*buen vado*». В современном языке слово «*vado*» означает прежде всего «брод». Однако в *Словаре испанского языка* Испанской Королевской Академии (1970 г.) о нём говорится следующее: «вышедшее из употребления слово для обозначения отсрочки, периода времени». Русское слово «простор» тоже имело раньше значение «досуг, свободное, праздное время»; ср. пословицу: «Простору нет, руки не доходят» (недосужно, некогда) [Даль]. – *К. де Д., пер.*

³⁵ Этот опыт пригодился Игнатию впоследствии, когда он писал в *Упражнениях* Правила о различении духов, первое из которых [§ 314] гласит: «*Правило первое*: Тем людям, которые идут от одного смертного греха к другому, враг имеет обыкновение представлять мнимые удовольствия, заставляя их воображать чувственные улады и удовольствия, дабы ещё более удержать и укоренить их в пороках и грехах. А благой дух поступает с такими людьми противоположным образом, заставляя их переживать угрызения совести через доводы разума».

Но он не обращал на это внимания и не задерживался на раздумьях об этом различии, покуда однажды у него немного не открылись глаза, и тогда он стал удивляться этому разнообразию и размышлять о нём, постигая на опыте, что одни мысли оставляли его печальным, а другие – радостным. Так мало-помалу он стал знакомиться с разнообразием воздействовавших на него духов: одного – бесовского, а другого – Божьего.

9. Из этого урока он вынес немало и принялся более серьёзно размышлять о своём прошлом и о том, сколь необходимо ему покаяться в нём. Тут-то и пришло к нему желание подражать святым, невзирая на обстоятельства, но уповая с помощью Божией сделать то же, что делали они. Но всё, что он хотел сделать после выздоровления – это отправиться в Иерусалим, как говорилось выше, совершая столько <подвигов> покаяния и воздержания, сколько дух благородный, воспламенённый Богом, обычно желает совершить.

10. И он стал уже забывать свои прошлые мысли, испытывая эти святые желания, которые следующим образом утвердились в нём после одного «посещения». Как-то ночью он бодрствовал и ясно увидел образ Богоматери со Святым Младенцем Иисусом. Это видение длилось в течение значительного срока и принесло ему самое живое утешение³⁶, оставив его с таким отвращением ко всей прошлой жизни, особенно же к делам плоти, что ему показалось, будто из души его стёрлись все образы, до того в ней напечатленные. Так, с того часа до августа пятьдесят третьего года, когда пишутся эти строки, он ни разу ни в малейшей степени не потакал делам плоти. Вследствие этого можно решить, что сие было делом Божиим, хотя сам он не осмеливался давать такое определение и говорил одно: что может лишь подтвердить вышесказанное. Но <именно> таким образом его брат, равно как и все остальные домашние, узнали извне о том очищении, которое совершилось внутри, в его душе.

11. Он же, ни о чём не заботясь, продолжал читать и вынашивать свои благие замыслы; и всё время, проводимое им с домашними, он тратил на дела Божии, чем принёс немалую пользу их душам. Поскольку же эти книги ему весьма понравились, он пришёл к мысли о том, чтобы вкратце выписать кое-что самое существенное о жизни Христа и святых.

В которой было почти 300 полностью исписанных страниц in quarto.

Уже начав понемногу подниматься <с постели> и ходить по дому, он принялся с изрядным тщанием делать выписки в книгу: слова Христа – красными чернилами, а слова Богоматери – голубыми. Бумага была вылощена и разлинована, а почерк – великолепен, так как он был очень хорошим писцом³⁷.

Часть времени он тратил на записи, а часть – на молитву. Но самым большим утешением для него было смотреть на небо и на звёзды, что он делал многократно и подолгу, ибо благодаря этому чувствовал величайшее стремление служить нашему Господу³⁸. Он часто думал о своём замысле, желая уже полностью выздороветь, дабы отправиться в путь.

³⁶ Утешение (consolación) – одно из важнейших слов в лексиконе св. Игнатия, часто употребляемое им как в *Автобиографии*, так и в других сочинениях. В *Духовных упражнениях* он даже даёт определение этому понятию (§ 316): «Наконец, утешением я называю всякое возрастание надежды, веры и любви и всякую внутреннюю радость, призывающую и привлекающую душу к предметам небесным и ко спасению собственной души, принося ей покой и умиротворённость в её Творце и Господе». См. об этом особую работу: Айестаран. – *пер.*

³⁷ В числе прочих автографов св. Игнатия, каковыми являются несколько писем и его письменный голос на выборах генерала Общества в 1541 г., до нас дошли некоторые исправления, собственноручно внесённые им в текст *Упражнений* (потому их и называют *автографом*, хотя в основном они были написаны копиистом), а также рукописный экземпляр *Конституций*, в котором также есть поправки, сделанные рукой святого.

³⁸ Подобные озарения и утешения он непрестанно испытывал до конца своей жизни, и ещё сегодня в «комнатке св. Игнатия» («cameretta di S. Ignazio»), т. е. в том помещении, где он жил в Риме, показывают балкон, с которого он созерцал небо и как-то раз издал такое восклицание, обычно ему приписываемое: «Сколь пошлой и низменной кажется мне земля, когда я смотрю на небо!».

12. И вот, раздумывая над тем, что ему нужно будет сделать по возвращении из Иерусалима, дабы всегда жить в покаянии, он решил было удалиться в картезианский монастырь в Севилье³⁹

---

³⁹ Речь идёт о картезианском монастыре Санта-Мария-де-лас-Куэвас, располагавшемся в окрестностях Севильи, ныне несуществующем. Об интересе БИньего де Лойолы к картезианцам см.: Бейер. – *К. де Д., пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.